

Шихабәддин Марджани

О первых российских муфтиях

Фрагмент из сочинения *Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар* («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») / Пер. со старотатарского и публикация А.Н. Юзеева и И.Ф. Гимадеева, вступ. ст. А.Н. Юзеева

Предлагаемый перевод с татарского языка на русский представляет собой выдержку из раздела о российских муфтиях двухтомного сочинения татарского религиозного реформатора и просветителя Шихабәддина Марджани (1818–1889) *Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар* («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»), изданного в 1900 г. в Казани в университетском издательстве на деньги книготорговца Мухаммадшарифа Ахмаджана Бакирова. Это был последний из 17 опубликованных трудов Марджани (примерно столько же остались неизданными), который он писал до последних дней своей жизни. Если первый том сочинения посвящен Булгару и Казани времени их независимости, то во втором томе речь идет об историческом периоде после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

Аятom Корана «Выведи народ твой от мрака к свету и напoмни им про дни Аллаха...» (Коран 14:5) начинается первый и заканчивается второй том *Мустафад ал-ахбар*. Этим аятom подкрепляется главная идея труда Марджани — народ должен знать свою историю, чтобы стать в один ряд с цивилизованными народами мира. И этот замысел ученого-теолога осуществился сполна. Книга имела большой успех, особенно у татарской молодежи, стремившейся прочесть о знаменательных событиях своей истории.

Уже из названия видно, что Марджани при написании книги использовал множество источников, в том числе и некоторые европейские. Естественно, основная масса привлеченного материала была на арабском, персидском и тюрко-татарском языках, что во многом повлияло на стиль произведения. Этот труд написан арабским шрифтом на татарском языке, насыщенном арабизмами и фарсизмами. Хотя арабский язык, на котором Марджани свободно выражал свои мысли, ему был ближе как литературный, ученый-теолог хотел, чтобы его сочинение стало доступным как для татарского, так и для других тюрк-

ских народов. Поэтому он выбрал подобный стиль изложения. Для татарских религиозных деятелей и большинства населения XIX — начала XX в. такой язык был понятен, хотя предполагал наличие определенных знаний и необходимость приложения усилий для постижения сути материала, тогда как для современного читателя он остается труднодоступным для понимания, «тайной за семью печатями».

Марджани первым в татарской историографии привел данные о зарождении и функционировании Духовного собрания мусульман и был пионером в изложении биографий первых мусульманских лидеров Поволжья и Приуралья. Его биографические сведения о религиозной жизни первых российских муфтиев, хотя и носят обзорный характер, являются ценным историческим источником и позволяют в самом общем виде представить вклад каждого муфтия в религиозную жизнь мусульман. Естественно, характеристики муфтиев в некоторой степени субъективны, порой резки, поскольку Марджани именно в них хотел видеть лидеров нации. Но тем не менее его биографические сведения о первых муфтиях привлекают внимание современных ученых, поскольку остаются актуальными и по сей день [Якупов, 2005; Садыков, 2005, с. 13–26; Хабутдинов, 2006].

Данные Марджани о первых муфтиях в основном достоверно отражают исторические факты. Учреждение Екатериной II российского муфтията было не только следствием участия татар-мусульман в различных восстаниях против власть имущих ввиду непризнания мусульманской религии и других причин, но также преследовало определенные политические цели, такие как использование мусульманских лидеров-татар в мирной колонизации степных земель Средней Азии (это обстоятельство отметил в биографии первого муфтия и Марджани; нынешние ученые полагают, что второй муфтий, Абдассалам б. Абдаррахим, был осведомителем или конфидентом в торговых поездках в Малый Джуз еще до назначения на должность муфтия в конце XVIII в. [см: Азаматов, 1999, с. 51]). Для осуществления этой политики необходимы были люди, знающие язык, быт и традиции казахского народа, которым бы доверяла местная знать. Роль тонких дипломатов как раз и играли первых три муфтия — Мухаммаджан б. ал-Хусайн, Абдассалам б. Абдаррахим и Абдалвахид б. Сулайман, которые активно привлекали в лоно российского муфтията мусульманское население Средней Азии и Казахстана.

Не случайно Мухаммаджан б. ал-Хусайн (Хусейнов) еще до назначения на должность первого муфтия выполнял роль дипломата при ведении переговоров с именитыми людьми Малого Джюза. Его усилия не остались незамеченным правительством, и в 1785 г. Хусейнов получает должность ахунда при Оренбургской пограничной комиссии, а в 1789 г. назначается первым муфтием. Однако Марджани не считает религиозные

знания первого российского муфтия достойными его высокой должности, хотя и отмечает, что среди народа Хусейнов был почитаем за свои знания. Марджани также описывает некоторые негативные стороны деятельности муфтия Хусейнова — а именно взятки, которые он брал при утверждении на религиозные должности. Об этом пишут и современные ученые [Азаматов, 1999, с. 41]. В деятельности второго муфтия Абдассалама б. Абдаррахима Марджани не обнаруживает особых заслуг, но вместе с тем критикует его за то, что фетвы он издавал на персидском языке. Третьего муфтия Марджани осуждает за поверхностные знания шариата, хотя отмечает знание Абдалвахидом б. Сулайманом тюркского, персидского, арабского и русского языков.

Для Марджани главным критерием при оценке деятельности муфтия является высокий уровень религиозных знаний, которые следует применять при разрешении многочисленных внутренних проблем мусульман России, а не нацеленность на решение внешних проблем. Поэтому должность муфтия, согласно взглядам Марджани, должен занимать наиболее авторитетный религиозный деятель, способный стать духовным лидером российских мусульман. Среди первых трех муфтиев Марджани таких лидеров не видит и считает их людьми в той или иной мере невежественными, поскольку не находит их религиозные знания соответствующими наивысшему критерию, предъявляемому к знаниям муфтия. Но все же они, по его мнению, оказываются достойными называться религиозными учеными.

Деятельность четвертого муфтия, Салимгирея Тевкелева, вызывает у Марджани наибольшие нарекания. Этому были причины объективные. При назначении четвертого и пятого муфтиев на должности Министерство внутренних дел, которому непосредственно подчинялось Духовное собрание, изменило приоритеты в деятельности муфтиев с внешней политики на внутреннюю. По замыслу царского правительства, лидером мусульман России должен был стать человек, беспрекословно выполняющий указы, придерживающийся консервативных взглядов, неспособный реформировать сознание верующих-мусульман в духе Нового времени. По всем параметрам царских чиновников на эту должность подходил Салимгирей Тевкелев: долгое время он находился на службе в русской армии, ушел в отставку, дослужившись до звания штаб-ротмистра.

Принимая во внимание факт военной службы Салимгирея Тевкелева, его последующую деятельность на посту муфтия Марджани оценивает отрицательно, поскольку полагает, что главная обязанность муфтия — это знать фикх и шариат, для того чтобы уметь применить их в российской действительности, а вовсе не знакомство с чиновниками, которые способствовали его приходу к власти. С оценкой Марджани можно согласиться, так как Тевкелев большую часть своей жизни провел на военной службе и, лишь будучи в отставке, стал муфтием, т. е.

главой российских мусульман, по протекции, фактически ничего не понимая в шариате, поскольку даже не знал татарского, арабского и персидского языков.

Некоторые современные религиозные деятели полагают, что отрицательные оценки деятельности Марджани необъективны, поскольку связаны с тем, что он конкурировал с Тевкелевым, чтобы занять должность муфтия. Некоторые даже обвиняют Марджани в том, что тот окружил себя льстецами и подхалимами, которые требовали, чтобы он стал муфтием [Якупов, 2005, с. 11]. Попытки принизить роль Марджани в жизни татарского общества предпринимались еще при жизни ученого-теолога (он два раза отстранялся от занимаемой должности), однако не увенчались успехом. А сегодня деятельность Марджани, его принципиальная позиция по многим религиозным и общественно-политическим вопросам должна быть примером прежде всего для религиозных деятелей. История не терпит чьих-либо пристрастий, рано или поздно пишется объективно, так как факты торжествуют. Несомненно, если бы Марджани занял должность муфтия, то, будучи духовным лидером российских мусульман, смог бы осуществить многое. Подобный ход событий предвидел миссионер-востоковед Н. Ильминский, который в своем письме к главе Синода К. Победоносцеву высказался против избрания Марджани. В результате истинный знаток религии, патриот татарского народа остался не у дел.

Деятельность пятого муфтия, Мухаммадйара Султанова, Марджани описывает недостаточно подробно, поскольку он был назначен на должность муфтия лишь в 1886 г., за три года до смерти Марджани.

Раздел, посвященный первым муфтиям Духовного собрания мусульман, является актуальным и для нашего времени, когда наблюдаются разногласия в мусульманской общине России: множество муфтиятов со своим административным аппаратом, отсутствие центра религиозной жизни российских мусульман. Обращение к описанию деятельности первых муфтиев России дает неоценимый опыт в строительстве религиозной жизни мусульман и для современных служителей культа. Будучи не всегда конструктивным, он важен уже сам по себе как исторический опыт, который следует учитывать последующему поколению, чтобы не делать ошибок, а идти вперед по пути созидания новой духовной жизни мусульман России.

Перевод

Первый муфтий. Мухаммаджан б. ал-Хусайн б. Мансур б. Абдаррахман б. Анас ал-Джабали ал-Бурундуки родом из горной стороны Казанской губернии, уезда Зия, деревни Бурундук. Первоначальное образование получил на родине. Потом отправился в Каргалый, где

учился у сосланного властями кавказского кади, ахунда Димкалаака, известного как мулла Мухаммад б. Али ад-Дагистани, и у других. Как говорят, он в нашем государстве был первым, кто подробно изучил *Хашийа Хийали* и *Акаид ат-Тафтазани* («Комментарий ат-Тафтазани к “Догматам”»).

Его дед, Мансур-эфенди, сначала был шакирдом Муртада-эфенди. Потом отправился в Бухару и, как говорят, был одним из первых, кто получил там образование после завоевания Казани. Ему приписывают написанное на фарси *Таракиб Мансурийа*. Муфтий мулла Мухаммаджан в Бухаре общался и был в дружеских отношениях с кади Абдалвахабом и другими.

Он попросил о вынесении фетвы, поддержанной некоторыми религиозными учеными Бухары, о дозволенности употреблять хлеб, произведенный с применением осадков пива и подобных напитков. Против этого выступили мулла Абдалгафур б. Хушбай, его последователь мулла Рамадан и мулла Умар. Они получили фетву о недозволённости и запретности этого. Известно, что он отправил эти фетвы на родину и по этому поводу велись споры и диспуты. Об этом мулла Абдалгафур писал в письме к религиозным ученым Каргалыр: мулле Абдаррашиду, мулле Исхаку б. Абдалкариму и мулле Абдаррахману. Это событие произошло в правление эмира Данийала б. Худайара, на аудиенцию к которому из болгарской земли попали только упомянутые четыре муллы, другие же разрешения не получили. Затем он вернулся на родину. Был человеком внимательным, старательным. [Стихотворение:]

Душа Усамы возвысила его.
Воспитала в нем храбрость и отвагу.
И сделала энергичным правителем.

Познакомившись и сблизившись с представителями российских властей и знатными людьми, он был назначен посланником для того, чтобы подчинить казахов, башкир и другие народы, которые плохо относились к России из-за своего отчуждения и вынужденного подчинения ей, как угрожая, так и заинтересовывая их. В конце 1191 г.¹ он вернулся. Известно, что он удостоился высоких степеней и ему были оказаны почести, как это принято в России. Ему вручили саблю и произвели в генералы. Впоследствии то ли по его просьбе, то ли по желанию Российского государства или по какой-то другой причине было создано Духовное собрание, и он стал главой Духовного собрания, муфтием мусульман.

Ему очень доверяли. Если он писал на каком-то листке бумаги утвержденное собственной печатью прошение о строительстве в каком-либо месте или о том, что некий человек достоин занимать некую долж-

ность, то все это исполнялось. Однако, должно быть, такое доверие стоило ему очень дорого. Он и к кадиям относился как к прислуге, и приказывал им выполнять любое свое поручение. Но впоследствии его влияние уменьшилось, кади набрали силу. Особенно когда кадием стал мулла Абдалджаббар б. Мустахим ал-Кайбычи. Он договорился со своими двумя товарищами [кадиями] противостоять муфтию, что привело ко многим спорам и столкновениям между ними. В конце концов документы Духовного собрания оказались на рассмотрении прокурора. Действие подписи муфтия было приостановлено, и он говорил, что Абдалджаббар, будь он неладен, стал причиной всего этого. В народе ходят слухи, что муфтий, пользуясь положением, торговал должностями мулл, заработав на этом много денег. Когда он умер, у него было 50 тысяч рублей, над которыми он и отдал Богу душу.

Как-то некий человек приехал сдавать экзамен на должность муэдзина. Муфтий спросил его: «Муэдзину необходимо правильно определять время. Знаешь ли ты, когда наступает время ночной молитвы?» Тот ответил: «После исчезновения вечерней зари». Муфтий опять спросил: «А что такое вечерняя заря?» Тот в ответ ударил рукой по карману и произнес: «Хазрат, есть и красная и белая [бумага]». После чего вынул и показал имевшие хождение в то время белую 25-рублевую и красную 10-рублевую купюры. Муфтий одобрил его назначение, сказав: «Оказывается, ты достоин этой должности».

Мой покойный отец мулла Бахааддин, ахунд мулла Фатхаллах Ури, мулла Баймурад б. Мухаррам ал-Менгари и другие все в один голос говорили о его благородстве, достоинстве и глубоких знаниях. Среди народа он также был известен своими знаниями, и мы ни разу не слышали, чтобы кто-то высказал противоположное мнение. Однако его записи, вид фетв и различные бумаги несомненно, слабые, что свидетельствует о его незначительном знании, недостаточном владении персидским языком и несостоятельности и несовершенстве используемых им выражений.

С точки зрения нижайшего раба Аллаха, не вызывает сомнения, что его знания значительно ниже знаний ахунда Фатхаллаха. Можно сказать, что они даже не на уровне знаний муфтия Абдассалама. Здесь мы приводим некоторые его фетвы и письма².

Второй муфтий. Абдассалам б. Абдаррахим б. Абдаррахман б. Мухаммад ал-Бугулмави ал-Абдари родом из Бугульминского уезда, деревни Абдаррахман. Обучался в [медресе] Каргалые у муллы Абдаррахмана б. Шарифа ал-Кирмани и других. Был ахундом и имам-хатыбом мечети Оренбурга. Там он познакомился и сблизился с местными чиновниками и с рекомендации и одобрения Оренбургского губернатора стал муфтием после смерти Мухаммаджана.

2 | Ввиду отсутствия в фетвах и письмах значительных сведений текст фетв и писем не приводится (здесь и далее — примечания переводчика).

Казанский губернатор по просьбе мусульман Казани рекомендовал на пост муфтия ахунда, муллу Абдассатара б. Саида, представив его кандидатуру в Министерство внутренних дел. Его кандидатура там обсуждалась, но оренбургский губернатор для достижения своей цели заявил, что истинное лицо Ибн Саида незнакомо чиновникам, поскольку он без разрешения выезжал за границу. Когда его проступок стал известен, он был прощен исключительно по государевой милости. «В то же время среди нас есть человек, который давно достойно служит государству, его заслуги и честность известны. Мы полагаем, что он достоин этой должности. Если для того чтобы стать муфтием необходимо пройти обучение в Бухаре, то можно за казенный счет отправить его туда на пару лет». Таким образом Абдассалам стал муфтием.

Но с точки зрения казанских мусульман, на эту должность более подходили упомянутый ахунд, мулла Абдассатар и ахунд, мулла Фатхаллах ал-Ури. Однако мулла Ибрахим-эфенди, будучи [настроенным] против муллы Абдассатара, писал письма в Оренбург ахунду, мулле Абдассаламу, что известно из писем Абдассалама³.

Муфтий, адресат и пишущий эти строки, все мы тюркоязычные, и персидский язык для нас иностранный, поэтому мы недостаточно им владеем. Какова же необходимость писать фетвы на персидском языке? В персоязычных регионах, например в Бухаре и Самарканде, пишут на персидском языке, чтобы смысл фетвы был понятен и из нее могли извлекать пользу. В этом и заключается предназначение фетв. Османские ученые, хотя прекрасно владеют персидским языком, но поскольку их родной язык тюркский, то они пишут на нем, употребляя простые выражения.

Муфтий, мулла Абдассалам увлекался собиранием книг. Был привередлив в одежде, быту и в выборе фаэтонов, обосновывая все это шариатом. Он переписывался с богатыми людьми Казани и других местностей. Он написал много писем Убайдаллаху из Казани, Йусуфу Кавалу, Хасану Апаная, Исхаку Апаку, Мустафе Читакчи. Также он еженедельно писал мухтасибу Нурмухаммаду, в оставшихся бумагах которого оказались 146 писем, написанных муфтием. Среди этих писем, исключая утерянные, оказались не соответствующие его [муфтия] настроению, которые можно использовать по злому умыслу. А он [хранитель писем] страстно желал претворить вред в действительность.

Муфтий приложил все усилия к смещению с должностей казанских ученых: ахунда, муллу Абданнасира, муллу Баймурада и Вафы-махдума. Было объявлено о смещении Вафы-махдума, смещение же муллы Абданнасира совпало с его кончиной. А сам муфтий умер до того, как завершилось рассмотрение дела муллы Баймурада. Во времена этого муф-

3 | Ввиду отсутствия в письмах значительных сведений текст писем не приводится.

тия вследствие его фетв распространилась следующая практика: обязательность наличия имени опекуна (родственника) в тетрадах регистрации рождений, смертей и браков; нахождение покойника в доме в течение трех дней после смерти и другие подобные решения муфтия были объявлены в тетрадах 1246 г.⁴; объявление возраста совершеннолетия шестнадцатью годами для девушек и восемнадцатью для юношей в 1251 г.⁵; нахождение покойников в 1252 г.⁶ Сколько людей терпели мучения из-за этого.

Он был муфтием десять лет и в 1254 году 10 зу-л-хиджжа⁷ скончался. Заупокойную молитву прочитал мулла Хуснаддин б. Шамсаддин б. Нариман. Похоронен на уфимском кладбище. Его сыновья: Абдаррауф, Ахмад, Айнаяталлах. Его старший сын при жизни отца был ахундом и имамом в Оренбурге, но после смерти отца отстранен от должности. Хотя он и не бывал за границей, но вследствие тесного общения с торговцами Мавераннахра, научился говорить по-персидски. Его сын Ахмад обучался в чистопольском медресе муллы Исхака б. Саида и в Казани у ахунда, муллы Абданнасира; затем в деревне Мачкара в медресе муллы Абдаллаха б. Яхьи, потом в медресе «Кутельташ» в Бухаре. Возвратившись, стал ахундом, имамом в Уфе. После смерти отца был освобожден от должности. Рассказывают, что во время обучения в Бухаре после очередного урока он спросил: «Мы читали Шарх или Хийали?» У него было два сына: Махди и Хайдар. Махди умер в 1295 г.⁸

Третий муфтий. Абдалвахид б. Сулайман б. Саалук б. Абдалхалик ал-Джабали ал-Арбаши родом с горной стороны Нижегородской губернии деревни Арбашча (Рыбушкино), из мишар. Его отец Сулайман был ахундом, имамом в деревне Ура. Мулла Абдалвахид уехал в Петербург, работал там у богатых, высокопоставленных людей, занимался торговлей, и поскольку он был сыном муллы, то местные торговцы просили его быть имамом во время совершения молитв. Вследствие приобретенных связей он, заручившись поддержкой петербургских мусульман, сдал экзамен и стал указным имамом.

Он прожил там годы, познакомился с высокопоставленными государственными чиновниками и после смерти муфтия Абдассалама стал муфтием в 1256 г.⁹ О нем рассказывают разное. Он читал книги, любил общаться с учеными людьми, знакомился с османскими газетами и различными публикациями. Кроме того, читал некоторые русские издания. Однако его знания были поверхностными. На своем уровне он

4 | 22.06.1830 — 11.06.1831.

5 | 29.04.1835 — 17.04.1836.

6 | 18.04.1836 — 06.04.1837.

7 | 24.02.1839.

8 | 05.01 — 25.12.1878.

9 | 05.03.1840 — 22.02.1841.

читал по-тюркски, был знаком с медицинской литературой, знал многие лекарства, тюркские и русские названия лекарств, встречавшихся в персидском, арабском и в других иностранных языках.

Когда он стал муфтием, у него было желание меньше общаться с русскими чиновниками. Также он стремился к улучшению состояния дел и исполнению шариата. Однако он оказался неспособен к этому из-за недостаточности знаний и слабых помощников. Вместе с тем он стремился потакать всем желаниям и прихотям богатых людей. В жизни он был прост и непритязателен. Он брал с собой служащих Собрания, надевал валенки, с ружьем и с собакой выходил охотиться на уток и зайцев. Он держал большую собаку в конуре.

Он давал разрешение всем печатать Коран без исправления опечаток и на любой бумаге. Вследствие этого многочисленные экземпляры Корана печатались с множеством ошибок. По этому поводу стерлибашские муллы обратились в Министерство внутренних дел с просьбой запретить продавать подобные экземпляры Корана, наказать за небрежность цензоров и людей, ответственных за предыдущие издания, и чтобы впредь издания осуществлялись только под присмотром и по утверждению членов собрания. Но муллы не достигли своей цели. Муфтий ответил, что невозможно, чтобы казанские издания Корана осуществлялись под контролем людей, проживающих в Уфе; запрет на покупку и продажу Корана нанесет вред обеим сторонам [участвующим в торговле]; цензор ответствен за недопущение изданий, противоречащих политике Российского государства или порочащих христианскую религию, во все остальные случаи, кроме этих двух, он не вмешивается; мусульмане, купившие уже изданные Кораны, могут пользоваться ими, исправив их [опечатки]; назначаются один или два казанских религиозных ученых, ответственных за исправление; при издании на хорошей бумаге, с утверждением цензора, религиозным ученым за каждую страницу выплачивается два рубля. В 1276 г.¹⁰ ответственным за эту работу был назначен и я, нижайший раб Аллаха.

Строительство мечетей осуществлялось по трем проектам, и муфтий был назначен ответственным за строительство по новому проекту. Ему приказали отказаться от старых проектов. Он же написал заявление в Министерство о противоречии проекта шариату. Но от Министерства получил порицание и брань: «Ты говоришь так из-за того, что ты ничего не знаешь и не видел мир!»

Он просил у государства разрешить поехать в хаджж, оставив вместо себя сына. Но ему не дали разрешения, пояснив: «Если хочешь в хаджж, то уйди со своей должности». Только Аллах знает правду. Из-за желания оставить на своем месте сына, он в свое время в Мачкаре уво-

¹⁰ | 31.07.1859 — 19.07.1860.

лил с должностей муллу Абдаллаха и ахунда, муллу Фатхаллаха б. Сафара ал-Казаклари¹¹.

Умер в 1279 г.¹² в возрасте семидесяти пяти лет. Похоронен на уфимском кладбище. У него было два сына: Шарафаддин и Махмуд. У Махмуда не было детей. Его дочь Махбуб ал-Камал в Казани вышла замуж за хаджи Ибрахима б. Исхака б. Мустафу б. Муртада б. Дауда б. Йусуфа б. Мухаммада б. Афака. Их дочь — Марьям. Его сын мулла Шарафаддин также был бездетен и умер в 1305 г.¹³

Четвертый муфтий. Хаджи Салимгирей б. Шахингирей б. Йусуф б. Кутлумухаммад б. Тавкил б. Мамаш б. Даулатмухаммад б. Уразмухаммадхан б. Ундан б. Шигайхан б. Джадикхан б. Джанихан б. Буракхан б. Куирчикхан б. Русхан ал-Джингизи. Он из рода татарских ханов-чингизидов. Выше мы уже подробно рассказывали о деяниях его предков.

Уразмухаммадхан в 1000 г.¹⁴ по желанию царя Бориса Федоровича стал правителем Касимова. В 1019 г.¹⁵ он умер. Мирза Кутлумухаммад в 1147 г.¹⁶ вместе с русским войском основал крепость Оренбург. Он доблестно служил Российскому государству и был произведен в генерал-майоры. Все его потомки также служили этому государству и владели многими землями и лесами. Жители многих деревень, подобных деревням Тирса и Килим, были их крепостными. В общем, до сих пор не было настолько богатых российских мусульман. Все эти крепостные в 1275 г.¹⁷, после Крымской войны, по всеобщему указу стали вольными. Известно, что в 1160 г.¹⁸ мирза Кутлумухаммад был еще жив.

Его имам, известный как Битча-ахунд, мулла Ибрахим б. Тулак. Его печать была такой же большой, как печати муфтия и кади Бухары, и на ней было написано «муфтий Ибрахим б. Мухаммад Тулак». В 1147 г.¹⁹ он подарил своим внукам книгу *Раудат ас-сафа* со своей печатью и датой дарения. С дочерью мирзы Шахингирея случилось несчастье. Она стараниями и усердиями братьев была задержана и находилась под контролем. Затем скончалась и была похоронена по мусульманскому обычаю. По этому поводу были сочинены стихи, которые передавались из уст в уста.

Хаджи мирза Салимгирей, прослужив долгое время в русской армии, дослужился до чина <...> [штаб-ротмистра]. После того как

11 | Ввиду отсутствия в письмах значительных сведений текст писем не приводится.

12 | 29.06.1862 — 17.06.1863.

13 | 19.09.1887 — 06.09.1888.

14 | 19.10.1591 — 07.10.1592.

15 | 26.03.1610 — 15.03.1611.

16 | 03.06.1734 — 23.05.1735.

17 | 11.08.1858 — 30.07.1859.

18 | 13.01.1747 — 01.01.1748.

19 | 03.06.1734 — 23.05.1735.

ушел в отставку в 1267 г.²⁰ он по дороге в хаджж, в Стамбуле вместе с некоторыми знатными черкесами получил аудиенцию у султана Абдул-Маджида. В 1282 г.²¹ после смерти муфтия Абдалвахида стал оренбургским муфтием. Приступил к исполнению своих обязанностей в новом здании Духовного собрания в пятницу 13 сафара / 25 июня²². После того как стал муфтием, неоднократно посещал Казань. Один раз был в Тифлисе. Был склонен к путешествиям и предпринимательству. Только Аллаху известно, не выполнял ли он каких-то служебных поручений.

Он был миролюбивым и добрым, но, не разбираясь в науках и будучи несмелым, прислушивался к словам дурных людей; не был твердым в своих убеждениях, вследствие чего не смог сделать ничего значимого. Многие начатые им дела остались незавершенными. Часто менял свои решения. Ожидалось, что благодаря большому богатству, значимости своего положения и грамотности он сделает много полезных дел, но этого не случилось. [Стихотворение:]

Слава его достаточна, чтобы наполнить ею долины
И чтобы птицы разносили славу по областям.

Вместе с тем после его смерти он в разговорах и в газетах упоминался с хорошей стороны, так что сверх меры стал известен с положительной стороны. Даже в мечетях Крыма и Тифлиса люди молились за спасение его души. В конце 1290 г.²³ он на собственные средства построил в Уфе вторую мечеть и назначил туда имама. Рядом с каменной мечетью построил начальную школу (мактаб) для мусульманских сирот, больных и немощных. Завещал на благотворительность около двадцати тысяч рублей.

Он был первым человеком, который, не будучи ученым, получил должность муфтия. Его большой ошибкой было то, что он, не зная фикха и шариата, не умея читать и писать, очень хотел занять должность муфтия и с помощью интриг добился своей цели. В результате этого должность муфтия в нашем государстве обесценилась, что явилось большим преступлением. Хотя предыдущие муфтии в той или иной мере были невежественными, но все-таки их можно было причислить к религиозным ученым.

Муфтий Салимгирей-хазрат умер в восемьдесят два года в Уфе, вечером в четверг на закате солнца 27 рабиа ал-аввал 1302 г.²⁴. Заупокойную молитву прочел после пятничной молитвы мулла, кади Мухам-

20 | 06.11.1850 — 26.10.1851.

21 | 27.05.1865 — 15.05.1866.

22 | 08.07.1865.

23 | 1873–1874.

24 | Между 14 и 15.01.1885.

мад б. Салих ал-Умари. Его похоронили в ограде каменной мечети в Уфе. Он родился в деревне Килим 18 раджаба 1220 г.²⁵. Не имел детей.

Пятый муфтий. Мирза Мухаммадйар б. Мухаммадшариф б. Байазид б. Абдалджалил б. Султан б. Мамат б. Чубан б. Тутар б. Кузай б. Кутлыш б. Акйул б. Йулберди б. Тенгриберди б. Тавкил б. Савалай б. Туксабай. Сначала его годовой оклад составлял 1000 рублей. По просьбе <...> кадиям был назначен оклад 600 рублей в год. В 1303 г. в понедельник, 20 раби ал-ахар (26.01.1886)²⁶, он прибыл в Казань и остановился у Ахмада б. Йахья б. Абдалваххаба. Хотя новость о его назначении дошла до нас, официальные бумаги еще не были получены. Он посетил меня, других имамов и прочих людей. После этого он прислал телеграфное сообщение о том, что приступил к исполнению своих обязанностей в понедельник, 9 джумада ал-ахира, и попросил, чтобы мы помолились за него. В субботу, 29 шавваля, он выехал в Петербург. Утром во вторник, 2 зу-л-каада²⁷, прибыл на казанскую пристань и попросил меня по-дружески сопровождать его. Мы вместе с муллой Худжихамадом поехали до Чебоксар.

Он происходил из башкир. Его дед Абдалджалил б. Султан был на службе российского государя, получив привилегии. Его отец и он сам также руководили башкирскими кантонами. Кроме этого, он достойно исполнял другие обязанности. В том году он получил должность муфтия. Он прислал мне свою родословную в том виде, в каком она приведена. Он родом из Мензелинского уезда, деревни Маджти, где и находятся его усадьба и земли.

25 | 12.10.1805

26 | 20 раби ас-сани 1303 = 26.01.1886. У Марджани описки — 1203 г.х.

27 | 9 джумада ал-ахира 1303 г.х. = 15.03.1886; 29 шавваля 1303 г.х. = 31.07.1886; 2 зу-л-каада 1303 г.х. = 02.08.1886.

Список источников и литературы

Азаматов Д.Д. *Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX в.* Уфа, 1999.

Габделхак-хазрэт Садыйков. К 110-летию. Казань, 2005.

Хабутдинов А.Ю. *Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950).* Нижний Новгород, 2006.

Якупов В. *Общероссийский муфтият и его муфтии.* Казань, 2005.